

УДК 821.111
ББК 83.3(0)943

Е.В. Григорьева

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
«ГОТИЧЕСКИЙ» РОМАН
В КОНТЕКСТЕ
АНГЛИЙСКОЙ
ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Рассматривается развитие готического исторического романа в английской литературе последней трети XVIII столетия. Первоначальная установка на стилизацию под средневековый рыцарский роман и попытка реконструкции «исторического колорита» («Замок Отранто» Г. Уолпола) сменяется изображением реальной исторической среды и стремлением авторов вписать исторические события в общий «историософский» сюжет («Убежище» С. Ли и «Мемуары Роджера де Кларендона» К. Рив). Становление жанра анализируется в контексте социально-политических и литературно-эстетических дискуссий эпохи.

Ключевые слова: *готический, роман, историческая «готика», предромантизм, романтический, суггестия, дидактизм, сентиментальный.*

Григорьева Елена Валентиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-903-404-35-60
E-mail: elval@sfned.ru

© Григорьева Е.В., 2015.

Историю весьма популярного в истории европейской литературы «готического» романа традиционно связывают с именем Горация Уолпола, опубликовавшего в 1764 г. роман «Замок Отранто». При всем многообразии существующих классификаций и определенных типов «готического» жанра, существующих как в отечественном, так и зарубежном литературоведении*, многие исследователи выделяют «историческую» как отдельную разновидность готического романа, восходящую именно к «Замку Отранто» [Summers, Varma, Вацура, Соловьева и др.]. Формально первым историческим романом готической направленности в Англии можно считать опубликованный в 1762 г. роман Томаса Лиланда «Длинная шпага, или граф Солсбери», который повествовал о событиях далекого прошлого, а главными героями были реальные исторические лица. Однако по существу это произведение более всего напоминало роман воспитания, где история о становлении характера героя излагается в традициях старого рыцарского «romance», а основное внимание уделяется воспитанию чувств Солсбери [Соловьева, с. 72]. Поэтому в многочисленных исследованиях по готическому роману имя Т. Лиланда практически не упоминается, а начало истории готического жанра, в том числе и в его исторической разновидности, связывается именно с публикацией романа Горация Уолпола. Вторым крупным готическим романом после «Замка Отранто» стал «Старый английский барон» [1777] Клары Рив, выдержавший

тринадцать изданий. Сохраняя ключевые элементы фабулы и типологию героев «Замка Отранто», Клара Рив создаёт принципиально новую повествовательную структуру с иными, чем у Уолпола, особенностями композиционного и сюжетного построения [Антонов, с. 195].

Знаменательно, что оба автора выступили не только как художники-новаторы, но в известной степени и как теоретики нового жанра, подробно изложив свои идеи – Гораций Уолпол в предисловии к «Замку Отранто», Клара Рив – в предисловии ко второму изданию «Старого английского барона» и в диалогическом трактате «The Progress of Romance» [1785]. Полемизируя с Горацием Уолполом, Клара Рив по-новому осмысляет его же идею синтеза прозаических форм, решительно отвергает фантастическую структуру (machinery) «Замка Отранто». Безудержные преувеличения «разрушают работу воображения и, вместо того чтобы привлечь внимание, вызывают смех» [Reeve, 1967, p. 5]. Несмотря на совпадение основного сюжетного мотива и использование истории как внешнего обрамления сюжета, Клара Рив вносит в свой роман нечто принципиально новое: она отказывается от исторической и географической экзотики Г. Уолпола, перенося действие в Англию и в гораздо более близкую эпоху. Указание на время действия дается в первых строках романа – XV в., время царствования короля Генриха VI, который занял наследственный трон еще в детстве, в 1422 г.: «In the minority of Henry the Sixth...» [Reeve, 1967, p. 7]. Но все исторические сведения укладываются в несколько начальных строк, и в дальнейшем развитии сюжета собственно исторические факты и детали никак не обозначены; они попросту нефункциональны. Для Клары Рив важна, скорее, историческая дистанция, которая позволяет высветить старинный дух истинного рыцарства, каким наделены главные положительные герои. В таких вполне условных исторических декорациях разворачивается семейная драма с весьма типичной для готического романа сюжетной схемой – расследование давнего преступления, ущемившего законные права наследника, изобличение злодея и восстановление справедливости.

Следующий шаг в развитии исторической линии готического романа был сделан Софией Ли в романе «Убежище, или Повесть иных времен» [1785]. В романе, стилизованном под старинную рукопись, изображены известные исторические события (война в Ирландии, поражение Непобедимой Армады, казнь графа Эссекса) и фигурируют реальные исторические лица: королева Елизавета, Мария Стюарт, граф Эссекс, Филипп Сидни и др. Все это обрамлено традиционным готическим антуражем, однако, в отличие от Уолпола и Рив, у Софии Ли совершенно отсутствует сверхъестественное и ирреальное. Едва ли не основным литературным открытием писательницы стало перенесение действия романа в реальную историческую среду (ни Уолпол, ни Рив такой задачи себе не ставили), что позднее станет ведущим принципом для Вальтера Скотта [Вацуру, с. 69]. Во многом благодаря Софии Ли историческая тема начинает привлекать всё большее внимание английских романи-

стов и романисток, породив в том числе и множество подражаний «Убежищу» [Stevens, p. 48 – 53].

Не менее интересны и значимы для развития жанра исторического романа, не только собственно готического, но и романтического, мысли, высказанные К. Рив в предисловии к другому роману – «Мемуары сэра Роджера де Кларендона, побочного сына Эдварда, принца Уэльского, обычно называемого Черным принцем, вместе с анекдотами о многих выдающихся людях четырнадцатого века», появившемся в 1793 г. Само название свидетельствует о том, что писательница стремилась наглядно документировать представленное повествование: Черный принц – вполне реальный персонаж, точно обозначена эпоха, а введение исторических анекдотов призвано усилить достоверность.

Название «мемуары» не вполне точно и формально соответствует повествовательной структуре романа. В основном он написан от 3-го лица, не считая подробного рассказа Роджера Кларендона о своей жизни, включенного во второй том. Но в практике романа XVIII в., прежде всего французского (Гамильтон, Куртиль де Сандра), определение «мемуары» порой было отнесено именно к истории жизни героя, независимо от повествовательной точки зрения. Исторические анекдоты были достаточно распространенным жанром в литературе XVIII в. «Слово “анекдот” появляется во французском языке ещё в XVII столетии сперва как прилагательное. Фюретьер так определяет его в 1690 г.: “Термин, которым пользуются некоторые историки, чтобы озаглавить Истории о секретных и тайных делах государей, то есть Мемуары о том, что не выносятся на свет божий и не должно было бы выноситься”. Энциклопедия подтверждает определение Фюретьера: анекдоты – тайные истории (государей и дворов), претендующие на подлинность и еще не опубликованные» [Мерло, с. 72].

Несомненно, определенное влияние на К. Рив мог оказать роман аббата Прево «Английский философ, или История Кливленда, побочного сына Кромвеля, написанная им самим», пользовавшийся в XVIII в. большой популярностью. В обоих произведениях использован один и тот же прием: герой представлен как побочный сын известного исторического деятеля, и его фиктивная биография тем самым оказывается сопричастна конкретной эпохе. Но указанный прием исчерпывает сходство. У Прево герой является, прежде всего, частным человеком: приключения его экстравагантны и занимательны, но исторических декораций для них не требуется. Имя Кромвеля, отца-злодея, лишь добавляет романтического ореола его жизненным странствиям. В этом смысле роман Прево открывает эпоху «массовой» литературы: «... обилие и разнообразие авантюрных перипетий и скандальных ситуаций (вплоть до едва не случившегося инцеста) превращает роман Прево в подобие «романического попури» [Пахсарьян, с. 66]. Для Клары Рив романная перспектива диаметрально противоположна. Полуфиктивный герой Роджер Кларендон неотделим от реальных событий, его биография вписана в историю и не может быть воспринята вне ее контекста.

Свой замысел К. Рив подробно разъяснила в предисловии к роману, которое превратилось и в своего рода политический манифест. Подобная тенденция была вообще характерна для английской литературы 90-х годов XVIII столетия, когда роман становился своего рода инструментом для обсуждения новых прогрессивных социальных и политических теорий [Markley, p. 6 – 7; London, p. 137 – 140]. Жизнь выдающихся людей, по мнению Клары Рив, должна служить примером всем прочим, поскольку она есть мощное средство самовоспитания. «Но в наше время существует род людей, – сетует писательница, – которые получают удовольствие, изображая пороки и уродства природы. Они представляют человечество как скопище самых бесчестных, развращенных и ничтожных созданий во всей системе сотворенных существ» [Reeve, 1793, vol. 1, VIII]. Им должны быть противопоставлены авторы, которые способны укрепить веру людей в себя и в необходимость развивать собственные способности. Главным ориентиром для нее становится Плутарх, который представляет мужество Александра, твердость Сципиона, истинно королевские добродетели Траяна, призванные во все времена и во всех странах вдохновлять юношей на подражание этим великим примерам. Английская история, по мнению К. Рив, дает не менее блестящие примеры: «Наши воины, наши государственные деятели, наши философы составили перечень выдающихся людей, они достойны славы во всем мире, и о них написано на всех языках» [Reeve, 1793, vol. 1: XIII]. Поэтому своей задачей писательница считает обращение к анналам истории, чтобы повторить опыт Плутарха на британской почве. Для нее идеальной эпохой, породившей множество великих героев, известных не только в Англии, но и во всей Европе, становится царствование короля Эдуарда III. Кроме того, что панорама деяний выдающихся людей сама по себе поучительна, писательница намерена представить «правдивую картину хорошо управляемого королевства, где справедливо поддерживалась иерархия социальных рангов и титулов» [Reeve, 1793, vol. 1: XVI].

Такое положение представляется ей заслугой «великого принца», возглавившего страну. Подобный акцент вполне объясним, если помнить, что роман К. Рив был опубликован в 1793 г., т. е. на пике Французской революции, которую писательница, неизменно придерживавшаяся консервативных позиций, никак принять не могла: «Новая философия нынешнего времени провозглашает принцип равенства и объявляет, что состояние анархии более привлекательно, чем порядок и законность» [Reeve, 1793, vol. 1: XVI – XVII]. Если по принципу формального равенства населению будет позволено свергнуть правительство и создавать новую конституцию, то вскоре ее найдут столь же ущербной и по тому же праву отвергнут, чтобы сфабриковать вторую, третью и т. д. Чтобы отвратить современников от подобных иллюзий, К. Рив и намерена обратиться к блестящим героям прошлого. Дидактические цели подчеркиваются настойчиво, и это вполне соответствует исходным установкам писательницы.

Любопытны ее размышления о самом жанре исторического повествования, хотя они очень беглы и не содержат ссылок на предшественников. Клара Рив замечает, что в последние годы было сделано немало попыток создать «вымышленные истории» в обрамлении подлинных исторических имен и персонажей. Такой прием ей представляется неудачным: «Фальсификация исторических фактов и лиц – это своего рода кощунство по отношению к великим именам, на которые сама история наложила печать подлинности» [Reeve, 1793, vol. 1: XX – XXI]. Поэтому она подчеркивает, что ни в чем не противоречила анналам истории. При этом она высказывает принципиально важное для избранного ею жанра замечание: «Те персонажи, по отношению к которым я проявила некоторые вольности, едва обозначены в истории и потому дали мне возможность говорить то, что мне захочется. Таков сэр Роджер де Кларендон. Хотя роман и назван его именем, он явно не главный герой.» [Reeve, 1793, vol. 1: XXI – XXII].

Роман открывает перечень историков, к трудам которых К. Рив обращалась в процессе работы (среди них в основном английские авторы, если не считать французского хрониста Фруассара: Барнс, Хардинг, Спид Рэпин и др.) Кроме того, в распоряжении К. Рив могли быть исторические сочинения Голдсмита и Юма. Имя самого Роджера де Кларендона, хотя и бегло, но упоминалось в исторических хрониках и сочинениях XIV – XIX вв. [Dictionary of National Biography, vol. 17: 101; Fox, vol. 3, p. 282; Ramsay, p. 87; Walsingham, vol. 2, p. 249; Wylie, p. 270]. Все основные события данной эпохи (войны, дворцовые перевороты) описаны в романе К. Рив весьма детально. Завязка романа датирована точно. Благородный рыцарь Хью Кэлверли (реальное историческое лицо) становится жертвой интриг и удаляется в свое поместье с женой и детьми, а в 1386 г. умирает от «эпидемической лихорадки». С этого момента роман начинает разворачиваться в привычной читателю XVIII в. сентиментальной тональности. Если бы не постоянный рефрен писательницы «в те времена», то нетрудно было вписать повествование в привычные и узнаваемые топоры тихой английской провинции «ричардсоновского» века, куда автор вводит и традиционные готические мотивы, в частности, мотив сна. В романе, ориентированном на хроники XIV в., этот «художественный» сон, как известно, восходит к средневековым видениям, и Клара Рив посредством данного приема пытается воссоздать средневековый колорит. В то же время подобный прием не «работал» в рыцарских романах, имевших преимущественно авантюрную природу, а Клара Рив, несомненно, пыталась совместить рыцарскую «романтику» и новые, «готические», приемы создания «суггестии» – напряженного и растянутого во времени ожидания таинственных, опасных, даже роковых событий.

История тайного брака дочери Кэлверли Мейбл и никому не ведомого Кларендона шокирует семью. Для автора, исповедующего строгие правила нравственности, это могло бы стать недопустимым прегрешением, если бы не главная установка романа на демонстрацию добродетели.

телей исторических деятелей XIV в. В указанном контексте Кларендон предстает как неведомый и несправедливо преследуемый, а главное, безусловно достойный рыцарь. А значит Мейбл раньше всех, через провидческий сон, угадала его предназначение, приняв свое служение. Таким образом, роман К. Рив балансирует на грани жанров: сентиментально-нравоописательного романа в стиле Ричардсона и сентиментальной готики, ориентированной на этику и эстетику средневековья с обязательными элементами тайны и авантюры.

Тот факт, что Кларендон оказался связанным с королевским семейством, побуждает его друга Клемент Вудвилла составить список самых выдающихся людей века: его открывает, естественно, Эдуард III, за которым следуют его сыновья и дочери, а также выдающиеся военные и государственные деятели. Такие внесюжетные пассажи, детальное изложение былых исторических событий, описания битв и военных кампаний, занимают обширное текстовое пространство и в общем не представляют художественной ценности (по сути, это имитация исторических хроник, внимательной читательницей которых была К. Рив). Но для писательницы они важны как подтверждение заданной политической концепции и ностальгических воспоминаний о великом веке. Размышления о судьбах великих людей вовлекают персонажей в политические дискуссии о назначении королевской власти.

Последние события романа иллюстрируют упадок великого века. Тяжелая болезнь настигает Черного рыцаря, он медленно угасает и, наконец, умирает 8 июня 1376 г., в воскресенье, в день Троицы, как уточняет автор. Страна погружалась в хаос. В романе К. Рив описано восстание Уота Тайлера как значимое для описываемой эпохи разрушительное событие. Сцена смерти Эдуарда III подводит некую черту под былым величием и процветанием. В немилость попадает и Роджер де Кларендон, вначале отторгнутый от двора, а затем без суда и следствия казненный по ложному обвинению. И далее все идет к трагическому концу. Безутешная Мейбл похоронила двух своих сыновей, брат Джона Кэлверли гибнет на поле битвы в Шрусбери. Единственным хранителем семьи остается Клемент Вудвилл, который «жил как частный человек и никогда не принадлежал ни к одной из партий» [Reeve, 1793, vol. 3, p. 215].

Таков конец исторического сюжета, описанного в романе К. Рив. Писательница завершает роман обширным авторским заключением об «уроках» истории. Естественно, все обсуждаемые ею проблемы связаны с событиями недавней французской революции, т. е. приобретают актуальный политический пафос, хотя рассматриваются на гораздо более широком историческом фоне: «Крайности борьбы разных партий завершаются фанатизмом и насилием. Такова цепь странных событий, которые открывает нам современная история» [Reeve, 1793, vol. 3, p. 216]. Она вспоминает о роковых последствиях Варфоломеевской ночи: убийство Генриха III, смерть Карла, судьбу Екатерины Медичи, потерявшей четырех сыновей и в конце концов оставившей династию без наследника. Фанатизм, по мнению К. Рив, стал причиной смерти французского

короля Генриха IV, Марии Стюарт (в последнем случае она оправдывает Елизавету не как частное лицо, а как носительницу королевского и государственного долга). В том же ключе К. Рив трактует события английской революции XVII в.: «Кромвель использовал фанатизм как главное орудие власти над умами людей и подчинял их себе. Он говорил, что совершал все это во имя Бога» » [Reeve, 1793, vol. 3, p. 220]. Далее следует перечень убиенных уже в недавнее время монархов: шведского короля Густава III, германского императора Леопольда II и, наконец, Людовика XVI. Казнь Людовика XVI представляется К. Рив одним из самых чудовищных преступлений, поскольку король был искренне готов осуществить необходимые реформы и «исправить ошибки правительства, которые не от него исходили, а были наследием его предков» [Reeve, 1793, vol. 3, p. 224]. Писательница подчеркивает, что это жестокое деяние нанесло моральный урон всей нации, решившей поклоняться «идолу Равенства». Свои рассуждения о социально-политической структуре общества, где равенству места быть не может, К. Рив завершает обширной цитатой из своего любимого Шекспира [Reeve, 1793, vol. 3, p. 230]. В хронике «Генрих V» Шекспир вложил в уста архиепископа Кентерберийского мысли, ей близкие и объясняющие природу разрушительных смут. Исторический роман К. Рив, в конечном счёте, складывается как роман-аллюзия и имеет выраженный политический подтекст.

Таким образом, первоначальная установка на стилизацию под средневековый рыцарский роман и попытки реконструкции исторического колорита, связанного с общей задачей эстетического и художественного освоения средневековья, сменяется у авторов (в первую очередь у Софии Ли и Клары Рив) изображением реальной исторической среды и стремлением вписать исторические события в некий общий «историко-софский» сюжет, отражающий нерушимые естественные законы. Подобная тенденция вообще характерна для просветительской традиции, и, тем не менее, исторический готический роман открывает дорогу романтическому историческому роману, с его ностальгией по ушедшему времени, трагичностью коллизий, идеальными героями, волею судьбы увлекаемые историческим потоком.

Примечание

*Обзор существующих классификаций представлен в работах *Малкиной В.Я., Поляковой А.А.* «Канон» готического романа и его разновидности // Готическая традиция в русской литературе. М., РГГУ, 2008, *Соловьевой Н.А.* История зарубежной литературы. Предромантизм. М., 2005, *Чамеева А.А., Антонова С.А.* Анна Радклиф и её роман «Итальянец» // Анна Радклиф. Итальянец. М., 2000.

Литература

Антонов С.А. У истоков готической прозы // Клара Рив. Старый английский барон. М., 2012.

- Вацуро В.Э.* Готический роман в России. М., 2002.
- Малкина В.Я. Полякова А.А.* «Канон» готического романа и его разновидности // Готическая традиция в русской литературе. М, 2008.
- Мерло М.* «Анекдоты о царе Петре Великом» Вольтера: генезис, источники и жанр // Вольтер и Россия. М., 1999.
- Пахсарьян Н.Т.* Загадка «Кливленда» Прево: забвение одного «бестселлера XVIII века» // Романский коллегийум. СПб., 2011.
- Соловьева Н.А.* Английский предромантизм. М., 2005.
- Dictionary of National Biography. Vol. 1 – 63, Lnd.: Elder & Smith Co., 1885 – 1900.
- Fox J.* The acts and monuments of J.Fox. R.B.Seely & W.Burnside. Vol. 1 – 3. London, MDCCCXXXVII.
- Ramsay J.H.* Lancaster and York: a century of English history (A.D. 1399 – 1485): Clarendon press, 1892.
- London A.* The Cambridge Introduction to the Eighteenth-Century Novel. N.Y.: Cambridge University Press, 2009.
- Markley A.A.* Conversion and reform in the British novel in the 1790s: a revolution of opinions. N.Y., 2009
- Reeve C.* Memoires of Sir Roger de Clarendon, the natural son of Edward Prince of Wales, commonly called the Black Prince; with anecdotes of many other eminent persons of the fourteenth century. Vol. 1 – 3. L., 1793.
- Reeve C.* The Old English Baron. L., 1967.
- Stevens A.S.* British Historical Fiction before Scott. Lnd., 2010.
- Summers M.* The Gothic Quest. Lnd.1938.
- Varma D.* The Gothic Flame. Being a History of the Gothic Novel in England. L., 1957.
- Walsingham T.* Quondam monachi S.Albani. Historia Anglicana, Vol.1-2. Lnd.:Longman, Green, Longman, Roberts and Green, 1863.
- Wylie J.H.* History of England under Henry the Fourth. Vol.1 – 2. Lnd.: Longman & Green, 1884.

References

- Antonov S.A. U istokov goticheskoi prozy // Klara Riv. Staryi angliiskii baron. M., 2012.
- Vatsuro V.E. Goticheskii roman v Rossii. M., 2002.
- Malkina V.Ya., Polyakova A A «Kanon» goticheskogo romana i ego raznovidnosti» // Goticheskaya traditsiya v russkoi literature. M, 2008.
- Merlo M. «Anekdoty o tsare Petre Velikom» Vol'tera: genezis, istochniki i zhanr // Vol'ter i Rossiya. M., 1999.
- Pakhsar'yan N. T. Zagadka «Klivlenda» Prevo: zabvenie odnogo «bestsellera XVIII veka» // Romanskii kollegium. SPb., 2011.
- Solov'eva N.A. Angliiskii predromantizm. M., 2005.
- Dictionary of National Biography. Vol. 1 – 63, Lnd.: Elder & Smith Co., 1885 – 1900.
- Fox J. The acts and monuments of J.Fox. R.B.Seely & W.Burnside. Vol. 1 – 3. London, MDCCCXXXVII.
- Ramsay J.H. Lancaster and York: a century of English history (A.D. 1399-1485): Clarendon press, 1892.
- London A. The Cambridge Introduction to the Eighteenth-Century Novel

Cambridge University Press, N.Y., 2009.

Markley A. A. Conversion and reform in the British novel in the 1790s: a revolution of opinions. N.Y., 2009

Reeve S. Memoires of Sir Roger de Clarendon, the natural son of Edward Prince of Wales, commonly called the Black Prince; with anecdotes of many other eminent persons of the fourteenth century. Vol. 1 – 3. L., 1793.

Reeve C. The Old English Baron. L., 1967.

Stevens A.S. British Historical Fiction before Scott. Lnd., 2010.

Summers M. The Gothic Quest Lnd. 1938.

Varma D. The Gothic Flame. Being a History of the Gothic Novel in England. L., 1957.

Walsingham T, Quondam monachi S. Albani. Historia Anglicana, Vol. 1 – 2. Lnd.: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1863.

Wylie J.H. History of England under Henry the Fourth. Vol. 1 – 2. Lnd.: Longman & Green, 1884.

Grigorieva E.V. (Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Historical “gothic” novel in the context of English preromantic literature

The article discusses the development of the Gothic historical novel in English literature of the last third of the XVIII century. Initial installation on a stylized medieval romance, and attempts to reconstruct historical color associated with the overall objective aesthetic and artistic development of the Middle Ages (“The Castle of Otranto” Mr. Walpole, 1764) is replaced by the rejection of the historical and geographical exoticism and transferring activities in a much closer historical Age (K. Reeve “Old English Baron”, 1777). Image of real historical figures and famous historical events was a major literary discovery of the historic Gothic novel (S. Li “Refuge, or Tale of other times”, 1785), is preceded in this regard in the work by W. Scott. The next conquest of Gothic historical novel was the desire to enter the historical events in a common “historiosophical” story, reflecting the unbreakable laws of nature (C. Reeve, “Memoirs of Roger de Clarendon,” 1793). A similar trend is a characteristic of educational tradition, and yet, the historic Gothic novel, opens the way to a romantic historical novel, with its nostalgia for bygone times, tragic conflicts, an ideal hero, carried along by fate historic flow.

Formation of the genre is analyzed in the context of socio-political and literary-aesthetic discussions era.

Key words: *gothic, novel, historical “gothics”, preromanticism, romantic, suggestion, didacticism, sentimental.*

Grigorieva Elena Valentinovna – candidate of linguistics, professor assistant of world literature theory and history dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication of Southern federal university. Phone: 8-903-404-35-60; e-mail: elval@sfedu.ru